

"...На этом Кубке для меня вдруг совершенно неожиданно выстрелил Лес...".

Пока перечитывала стихи 1-го тура в поисках десятки для своего топа, обратила внимание, что некоторые слова встречаются чаще других. Я не имею в виду такие слова как «осень», «тоска», «небо» или «душа», этим сам бог велел присутствовать в поэтических текстах; их я даже не отслеживала. А вот количество Аустерлицев, например, сосчитала. Четыре Аустерлица на нынешнем Кубке! Три Заратустры. Более трёх раз встретились Аннушка с маслом, Одиссей-Пенелопа-Телемах, попались два Синдбада, три (кажется) Иова; Гамлет, Гомер, Сизиф, Кафка, Будда - не менее двух раз каждый.

Несколько раз встречалась Ева, но почти всегда одна, без Адама.

Самые популярные животные этого Кубка (не считая кошек и собак): лось и медведь, из птиц - вороны, журавли, Алконост и Гамаюн.

Самые популярные цвета: алый и чёрный, а также глаголы алеть и чернеть.

Другие популярные слова: тенета, ветошь, подоконник, обол, река, шаман, волхвы, боинг, занавески, Катманду, снег, прореха, колыбель, овраг, Арбат, фонарь... впрочем, фонарь - это из слов, популярных в поэзии вообще, не только на этом Кубке. Но слишком уж много фонарей встретилось, не могу не отметить.

Всё это из разряда путевых заметок и занимательной статистики.

Но есть и кое-какие серьезные наблюдения.

На этом Кубке для меня вдруг совершенно неожиданно выстрелил Лес. Точнее, возник - во всю ширь и глубину распахнулся передо мной этот образ Леса, символ Леса, причём в некой сакральной, магической своей ипостаси. Лес как срединная, «буферная» область между явью и навью, межмирье. Посмертье или то, что может показаться таковым в болезненном бреде и в некоторых других экстремальных состояниях сознания.

Чтобы оторваться от мира живых и начать считаться мертвым, нужно пройти через Лес.

Лес - это наша Лета, наш Стикс и Ахерон. Оболами ложатся на глаза два солнечных луча, просеянные сквозь листву Леса (стихотворение 118. Натюрморт). Потерявшая собаку девочка в осеннем лесу обнаруживает реку и застаёт момент отплытия хароновой лодки, на которой среди других теней видит и тень своего Джека (ст. 316. Река). Эти два образа, река и лес, то существуют как один, некий образ-гибрид, среднерусская речка Лесная Лета, то разделяются и «текут» параллельно (ст. 117. Элегия). Зимний лес-наваждение, лес-ангинный бред, причудливая хрустальная «игра разума» на пороге забвения, явлен нам в ст.297. Голос. Здесь тоже присутствует этот мотив прохождения через некий «лес», отделяющий жизнь от смерти, но сам при этом ни тем, ни другим не являющийся.

Многие уже отметили, что на Кубке-2017 очень много стихов «проумру». Добавлю к этому своё наблюдение: на нынешнем Кубке необычно много леса. Просто леса и леса проумру.

В топе-32, например, лес упоминается в шести текстах! То есть в каждом пятом стихотворении, и даже немного больше - в каждом пятом с третью. Этот показатель ещё более возрастает, если принять в расчёт те стихи, в которых лес не назван напрямую, но подразумевается: «Тихое» (зимовье, рыжики за кедром, самовар на шишках - что это, если не лес?), «Несбылось» (лосёнок выбредает из чаши, надо полагать - из лесной). Тундра в «Мойдодыре» - северный аналог леса. В «Смерти медведя» шатун блуждает явно по лесу.

По критерию встречаемости в топе-32 «лес» уступает только «воде», «осени», «ночи», «сну» и «смерти».*

Какой из этого можно сделать вывод?

А вывод тот, что либо мы имеем дело с частным случаем, с казусом одного конкурса, либо следует отнести «лес» к разряду поэзо-онтологических универсалий. Таких, как уже перечисленные осень, ночь, смерть, любовь и так далее. С той оговоркой, что универсалия эта является универсалией и «работает» в полную силу только для обитателей определенного типа местности, для жителей лесистых равнин и возделанных под пахотные земли речных пойм. Для условных «славян» и для нас - их

потомков.

Мы, потомки, давно уже дистанцировались от Леса, мы живем в городах, проводим время в фейсбуках и варим кофе в кофемашинах. Но на каком-то глубинном, генетически обусловленном уровне Лес для нас - то место, которое волнует. Как потомственного бедуина волнует, вероятно, образ Пустыни.

В Лес, на свою первую охоту, на обряд инициации, уходили юноши славянских племён, в Лес уходили смертельно раненые, неизлечимо больные и просто очень старые - умирать. В Лес уходили чужаки и непринятые, изгои. Лес как изгнание, обречение на смерть - но не сама смерть. Лес как шанс умереть или выжить. Или как шанс выжить, фактически умерев.

Меня поразило, насколько актуальным для современного человека, насколько «сохранным» оказался этот образ/символ/архетип, выбредший из древности, из непроглядной глуши времён. Насколько хорошо он считывается, как безотказно и точно «включает» в каждом из нас (или во многих из нас) ту память, которую можно назвать памятью крови, и которой мы в «нормальном» состоянии рассудка не владеем. Но которая запускается на раз при столкновении с поэзией, при выходе в ее особое измерение.

**при подсчете учитывались не только сами упомянутые слова, но и их производные (напр., смерть - мертвый, умирать, мертвец; лес - лесной, редколесье).*